

ГОНЧИЕ БАФУТА

Вот мы и приехали

Река Кросс осторожно, извиваясь, спускается с гор Камеруна, пока не разольется широко, заблестит, засверкает в огромной чаще лесов, окружающих Мамфе. В горах она журчала, пенилась и водопадами срывалась с уступов, а тут успокоилась и степенно потекла по своему каменистому руслу; неторопливое ее движение наносит поперек течения мели чистейшего белого песка и подмывает деревья по берегам, так что обнаженные корни кажутся массой перепутанных, шевелящихся щупалец спрута. Река величаво движется дальше, мутные воды ее кишмя кишат бегемотами и крокодилами, а в теплом воздухе над ней с криками реют синие с оранжевым и белым ласточки.

Перед Мамфе река чуть ускоряет свой бег и протискивается между двумя высокими, поросшими лесом скалистыми утесами; подножия их отшлифованы водой, а сверху потрепанным кружевом свисает кустарник. Выбравшись из узкого ущелья, река вихрем врывается в просторный овальный бассейн. Чуть дальше из такого же ущелья в тот же бассейн выливается еще одна река, их воды

встречаются и свиваются в бурлящий клубок крохотных течений, водоворотов и всплесков, чтобы потом продолжить свой путь единым потоком, а на самой середине реки остается след их соединения — огромный сверкающий холм белого песка с отпечатками ног бегемотов и узорными цепочками птичьих следов. Близ этого песчаного островка лес на берегу переходит в небольшой луг, который окружает деревню Мамфе, и вот тут-то, на опушке леса, над спокойными мутными водами реки, мы решили раскинуть наш главный лагерь.

Два дня пришлось валить лес и выравнивать землю, чтобы приготовить строительную площадку, и наконец на третий день мы со Смитом стояли на краю луга и наблюдали, как тридцать местных жителей в поте лица с громкими криками волокли огромную палатку: казалось, на взрытой красной глине валяется громадная коричневая морщинистая туша кита. Постепенно это море парусины разобрали, растянули, и оно вспучилось кверху, набухая, словно чудовищный гриб-дождевик. Потом гриб вдруг раздался в длину и вширь и обратился в палатку весьма внушительных размеров. Когда наконец выяснилось, что это такое, раздался громкий крик изумления и восторга — это кричали жители деревни, которые толпой сошлись поглядеть, как мы будем разбивать лагерь.

Итак, у нас появилась крыша над головой, но пришлось еще целую неделю изрядно потрудиться, прежде чем можно было начинать ловлю зверей. Предстояло сколотить клетки, вырыть пруды, порасспросить старейшин из ближних деревень и рассказать им, какие нам нужны звери, позаботиться о запасах продовольствия и переделать еще уйму всяких дел. Наконец все в лагере было налажено, и мы решили, что можно начинать. Еще раньше

мы договорились, что Смит останется в Мамфе и будет присматривать за главным лагерем, собирая по мелочам все, что удастся найти в ближнем лесу с помощью местных жителей, а я тем временем поеду вглубь страны, в горы, где леса уступают место поросшим густой травой равнинам. В этом горном мире с его странной растительностью и более прохладным климатом можно будет найти совсем иную фауну, нежели в жарких лесах.

Я не знал, какую часть равнин мне выбрать, на чем остановиться, и пошел посоветоваться к местному начальнику. Я объяснил ему, что мне надо, он разложил на столе карту горных районов, и мы вместе склонились над нею. Вдруг он ткнул пальцем в какую-то точку и глянул на меня.

— Как насчет Бафута? — спросил он.

— А это подходящее место? Что там за люди?

— Вас должен интересовать только один человек в Бафуте — Фон, — сказал чиновник. — Расположите его к себе — и люди сделают для вас все, что вам нужно.

— Фон? Это что, вождь?

— Он в этом краю нечто вроде римского императора, — сказал чиновник и очертил пальцем на карте большой круг. — Его слово для них закон. Этот тамошний Фон — премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу — доказать, что вы можете выпить не меньше его самого. У него там прекрасная большая вилла, он построил ее нарочно на тот случай, если к нему явятся гости-европейцы. Напишите ему, и он позволит вам остановиться у него и даже наверняка сам вас пригласит. Да в Бафут вообще стоит съездить, если вы там и не останетесь.

— Что ж, я пошлю ему записку, посмотрим, что он скажет.

— Постарайтесь хорошенько... э-э... подкрепить ваше письмо, — сказал чиновник.

— Сейчас же пойду в лавку за бутылкой подкрепляющего, — заверил я.

В тот же день в горы отправился гонец с моим письмом и бутылкой джина. Через четыре дня он вернулся с обратным посланием от Фона; этот любопытный документ необыкновенно меня воодушевил:

*Резиденция Фона Бафута, Бафут,
Беменда, 5 марта 1949 г.*

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 3 марта получил, кстати с приложением, и оценил.

Да, я принимаю твой приезд в Бафут на время два месяца насчет твоих животных и тоже очень буду рад отдать тебе в распоряжение один дом в моих владениях, если ты мне хорошо заплатишь.

Сердечно твой Фон Бафута

Я тотчас приготовился к отъезду в Бафут.

Жабы и танцующие обезьяны

Обольшинстве грузовиков в Западной Африке никак не скажешь, что они находятся в расцвете молодости и красоты, и я на горьком опыте научился не ждать от них ничего хорошего. И все же вид грузовика, который прибыл, чтобы везти меня в горы, превзошел худшие мои ожидания: казалось, он сию минуту развалится. Грузовик стоял на полуспущенных шинах, пыхтел и хрипел, изнемогая от усталости, — а ведь ему пришлось всего лишь подняться по отлогому склону небольшого холма к нашему лагерю, — и я не без трепета вверил ему мой груз и самого себя. Шофер оказался весельчаком: он сразу заявил, что мне придется ему помогать в двух весьма важных операциях. Во-первых, когда мы будем спускаться под гору, я должен нажимать на ручной тормоз, потому что, если его не прижать чуть ли не к самому полу кабины, он вообще не станет слушаться. Во-вторых, мне предстоит неотрывно следить за педалью сцепления, ибо эта весьма капризная деталь при всяком удобном случае выскакивает из муфты и при этом ревет, как попавший в ловушку леопард. Совершенно ясно, что

водитель грузовика даже в Западной Африке не может вести машину, скрючившись под приборным щитком и согнувшись в три погибели, а значит, если я хочу остаться в живых после этого путешествия, мне придется помочь ему управиться со своенравными механизмами. И так, я то и дело нагибался, нажимал на тормоз и вдыхал удушливый запах паленой резины, а тем временем наша храбрая машина тряслась по направлению к горам с постоянной скоростью двадцать миль в час; порой, когда путь лежал под уклон, она очертя голову кидалась вперед и выдавала целых двадцать пять.

Первые тридцать миль проселочная дорога из красной глины вилась по равнине, поросшей лесом; по обе стороны дороги плотной стеной стояли огромные деревья, ветви их в вышине переплетались, образуя свод из листьев у нас над головой. Стайки птиц-носорогов, хлопая крыльями, перелетали дорогу и гоготали — казалось, это сигналили призраки каких-то древних такси на заре автомобилизма, а по обочинам, живописно расцветенным солнцем, прорвавшимся сквозь густые лиственные своды, грелись агамы; окутанные светом, они пламенели от волнения, как закатные лучи, и яростно кивали головами. Постепенно, почти неприметно дорога пошла вверх, мягко петляя по округлым склонам лесистых холмов. В кузове грузовика мои помощники громко запели:

Домой, домой, хочу домой,
Когда ж увижу дом родной?
Когда увижу мать родную?
Вовек мне не забыть мой дом...

Шофер тихонько подхватил припев и все поглядывал на меня — можно ли? К его удивлению, я тоже запел, и так грузовик катил вперед, оставляя за собой на дороге

вихрь красной пыли, из кузова доносился дружный хор голосов, а мы с шофером подпевали, украшая песню всевозможными вариациями, причем он успевал еще аккомпанировать отрывистыми гудками клаксона.

Чем выше мы забирались в горы, тем реже становился лес, а потом подлесок стал меняться: по обочинам дороги мрачно, как заговорщики, стояли купы тяжелых древо-видных папоротников с толстыми, приземистыми волосатыми стволами; макушки их разбрызгивались зелеными фонтанами нежной листвы. Папоротники оказались первыми стражами нового мира, ибо внезапно, точно горы сбросили с плеч тяжелую одежду, исчез лес. Он остался позади, в долине, густой зеленый мех волнами уходил в мерцающую от зноя даль, а перед нами величественно высились горы, покрытые высокой, по пояс, колеблемой ветерком и высветленной солнцем золотистой травой. Грузовик взбирался все выше и выше, мотор задышался и вздрагивал от непривычных усилий. Мне уж подумалось, не придется ли последние две-три сотни футов толкать злосчастную машину в гору, но, ко всеобщему изумлению, она справилась сама: вскарабкалась на вершину горы, дрожа от усталости и изрыгая из радиатора клубы пара, точно издыхающий кит — фонтаны воды. Мы вползли наверх и остановились. Шофер выключил мотор.

— Мало время обождет, двигатель перегрелся, — пояснил он, указывая на радиатор грузовика, который уже совсем скрылся из глаз в облаке пара.

Я с радостью выбрался из раскаленной кабины и побрел к тому месту, где дорога начинала спускаться в очередную долину. С этого наблюдательного пункта видна была вся местность, которую мы проехали, и та, куда нам предстояло вступить.

Позади остался нескончаемый зеленый лес, отсюда он казался плотным и густым, как шерсть барана, только на вершинах холмов можно было разглядеть просветы в непроницаемой массе листьев — на фоне неба деревья вырисовывались прерывистой бахромой. А впереди нам открывался совсем другой мир, просто невозможно было поверить, что оба они — тот и этот, — такие разные, существуют бок о бок. И смена эта происходила не постепенно, нет: позади остался лес деревьев-великанов, сверкающих в своих роскошных мантиях из лакированных листьев, подобно гигантским зеленым жемчужинам, а впереди до самого туманно-голубого горизонта цепь за цепью встают горы, сливаясь и переходя одна в другую, словно огромные застывшие волны; они как бы обращают лицо к солнцу, а склоны их от подножия до гребня покрыты пушистым золотисто-зеленым мехом травы, которая зыблется по прихоти ветра и то светлеет, то темнеет, когда ветер ее завивает или разглаживает. Лес позади расцвёл то буйным багрянцем, то зеленью самых ярких и резких тонов. Впереди же все цвета этого странного горного мира травы были мягкими и нежными — бледно-зеленый, золотистый и все оттенки теплого желтовато-коричневого. Плавные изгибы и складки холмов, покрытые этой нежной, пастельных тонов травой, очень напоминали природу Англии — ее южные низины, только в бóльших масштабах. Но вот солнце здесь сверкало без устали и нещадно палило — совсем уж не на английский лад.

Начиная отсюда дорога превратилась в «американские горки», машина то и дело с треском и визгом тормозов спускалась в долины и вновь, кряхтя и кашляя, взбиралась на крутые склоны. На вершине одной горы мы опять постояли, чтобы остыл мотор, и тут я заметил впереди

в долине деревню; издали, на фоне окружавшей ее зелени, она казалась бесформенной кучкой черных поганок. Когда выключили мотор, тишина окутала нас, точно мягким одеялом; только слышно было, как чуть посвистывает трава, колеблемая ветром, да из деревни, что лежала далеко внизу, доносился лай собак и крик петуха — звуки, смягченные расстоянием, но отчетливые, как звон колокольчика. В бинокль я разглядел в деревне какую-то суету: вокруг хижин сновали толпы людей, порой сверкали ножи, похожие на мачете, и копья, мелькали яркие саронги.

— Что там за суматоха? — спросил я шофера.

Тот взгляделся, прищурился, и с радостной улыбкой обернулся ко мне:

— Это базар, сэр, — объяснил он и спросил с надеждой: — Маса хочет остановиться там?

— А ты думаешь, мы сможем там найти добычу?

— Да, сэр!

— По правде?

— По правде, сэр!

Я сделал вид, что рассердился.

— Ты лжешь, негодник, — сказал я. — Ты хочешь там остановиться, чтобы выпить. Разве не так?

— Да, сэр, — ухмыльнулся шофер, — только и маса там тоже найдет добычу.

— Ну ладно, остановимся ненадолго.

— Да, сэр, — радостно сказал шофер и рванул грузовик вниз по склону горы.

Большие круглые хижины с остроконечными соломенными крышами аккуратно разместились вокруг небольшой площади, затененной купами молодых эвкалиптов. Тут-то и расположился базар; торговцы разложили свой товар прямо на земле, на пестром уютном ковре света

и тени под стройными деревьями, каждый на своем клочке, а вокруг теснились деревенские жители: они протискивались между торговцами, отчаянно спорили, болтали и размахивали руками. Чем только здесь не торговали! Я просто диву давался — сколько всякой всячины, подчас самой несуразной и неожиданной! Продавались сомы, копченые на костре и насаженные на короткие палки; рыба эта и живая-то на вид не слишком привлекательна, а уж высушенная, сморщенная, почерневшая от дыма она кажется какой-то шаманской куклой, которая корчится в отвратительной пляске. Были здесь и огромные тюки тканей, все больше очень ярких расцветок, — их ввозят из Англии, такие очень по вкусу африканцам; гораздо приятнее выглядели ткани местного изделия, плотные, мягкие и не столь кричащие. Среди этих ярких пятен мелькали в самых невероятных сочетаниях яйца и куры в бамбуковых корзинах, зеленый перец, капуста, картофель, сахарный тростник, огромные кровавые куски мяса; с веревок свисали большие, аккуратно выпотрошенные тростниковые крысы. Продавали и глиняную утварь, и плетеные корзины, и стулья, иголки, порох, пиво, силки для ловли птиц, плоды манго и папайи, клизмы, лимоны, местную обувь, прелестные сумки из волокна рафии, гвозди, кремни, карбид, касторку, сабли и леопардовые шкуры, парусиновые туфли, мягкие фетровые шляпы, пальмовое вино в калембасах, кокосовое и фисташковое масло в старых жестянках из-под керосина.

Посетители базара отличались таким же разнообразием и необычностью, как и товары, выставленные на продажу. Тут можно было увидеть людей народности хауса в ослепительно-белых одеяниях и маленьких белых шапочках; местных вождей в многоцветных одеждах и бо-

гато расшитых шапках с кисточками; были тут и полудикие жители отдаленных горных селений — на этих не было ничего, кроме набедренных повязок из грязной кожи; зубы у них заострены, на лицах татуировка. Для них эта деревня конечно же многолюдная столица, а базар, возможно, самое веселое развлечение за целый год. Они яростно спорили, размахивали руками, подталкивали друг друга, их темные глаза сверкали восторгом при виде таких вещей, как ямс или какая-нибудь тростниковая крыса; чаще всего они стояли тесной кучкой и не сводили жадных глаз с высоких кип разноцветных тканей — купить их они не надеялись — и лишь изредка меняли свой наблюдательный пункт, чтобы лучше видеть эту недостижимую роскошь.

Моих помощников и шофера засосало в красочном водовороте толпы, как муравьев в банке патоки, и я оказался предоставлен самому себе. Я немного побродил вокруг, потом подумал, не поснимать ли жителей горных селений, вынул фотоаппарат и стал наводить на фокус. Что тут началось! Ад крошечный: торговцы вмиг побросали свои товары и все пожитки и с дикими криками кинулись в ближайшее укрытие. Я даже растерялся — ведь африканцы обычно очень любят сниматься — и спросил у стоявшего рядом хауса, что случилось. Последовало любопытное объяснение: видимо, горцы уже знают, что если фотоаппарат направить на человека, потом получается его портрет. Но они твердо уверены, что вместе со снимком к фотографу переходит частичка души того, кто фотографируется, и, если снимков сделать много, фотограф обретет над ним полную власть. Отличный пример колдовства вполне современными средствами: в старину вы получали власть над человеком, если завладевали прядкой

Содержание

ГОНЧИЕ БАФУТА

Перевод Э. Кабалевской

<i>Вот мы и приехали</i>	7
I. Жабы и танцующие обезьяны	11
II. Гончие Бафута	32
III. Гудящая белка	52
IV. Монарх и конга	75
V. Охота на волосатых лягушек	95
VI. Змеи и шиллинги	113
VII. Ке-фонг-гуу	135
VIII. Мнимая слепозмейка	153
IX. Фон и золотистая кошка	169
X. Зоопарк под брезентом	186
XI. Лес летающих мышей	205
XII. Обезьянье царство	233
Глава последняя, в которой мы «ехать хорошо»	246

ЗООПАРК В МОЕМ БАГАЖЕ

Перевод Л. Жданова

<i>Вступительное слово</i>	257
Часть первая	
В пути	
I. Строптивый питон	263
II. Лысые птицы	284

Часть вторая
Снова в Бафуте

III. Звери Фона	310
IV. Звери в банках	339
V. Звери-кинозвезды	356
VI. Звери с человеческими руками	372

Часть третья
К побережью и в зоопарк

VII. Зоопарк в нашем багаже	394
VIII. Зоопарк в пригороде	412
Заключительное слово	428